

Алладина и Паломидъ.

Переводъ В. П. Орфховой.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Абламоръ.

Астолэна, дочь его.

Алладина.

Паломидъ.

Сестры Паломида.

Врачъ.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ЗАПУЩЕННАЯ ЧАСТЬ САДА.

Видень Абламоръ, склонившійся надъ спящей Алладиной.

Абламоръ. Миѣ кажется, что подъ этими деревьями день и ночь царить сонъ. Каждый разъ, какъ мы приходимъ съ ней сюда, она не успѣваетъ състь, какъ уже засыпаетъ. И все-таки я долженъ этому радоваться! Въ теченіе дня, когда ея взглядъ встрѣчается случайно съ моимъ, онъ суровъ, какъ взглядъ раба, которому приказали исполнить невозможное... Однако это не еяобычный взглядъ... Сколько разъ видѣлъ я, какъ останавливались ея чудные глаза на дѣтяхъ, какъ блуждалъ ея взглядъ по морямъ и лѣсамъ, по всему окружающему... Она миѣ улыбается, какъ врагу... и я осмѣливаюсь склониться надъ ней только въ минуты сна, когда ея глаза не могутъ меня видѣть... Каждый вечеръ я упиваюсь этими короткими мгновеньями и потомъ остатокъ дня живу возлѣ нея, уже не смѣя поднять глазъ. Печально, когда любовь пробуждается слишкомъ поздно... Онѣ не понимаютъ, что годы не въ силахъ раздѣлить сердца... Они прозвали меня „Мудрымъ

Королемъ"... Да, я былъ мудръ, пока ничто не волновало мою жизнь... Есть люди, умѣющіе измѣнять самый ходъ событій... Мнѣ было достаточно появиться гдѣ-нибудь, какъ тотчасъ все замирало. Въ дни молодости у меня были друзья, одно присутствіе которыхъ, казалось, вызывало къ жизни крупныя событія... но въ тѣ дни, когда я шелъ съ ними вмѣстѣ на встрѣчу радостямъ и скорбямъ, они возвращались съ пустыми руками... Казалось, что я заставлялъ судьбу бездѣйствовать... и долго я несъ на себѣ всю тяжесть этого дара... Люди спокойно дышали подъ защитой моего царствования! Но теперь и мнѣ пришлось узнать, что самое тяжкое горе лучше сна и что жизнь должна быть выше и дѣятельнѣй вѣчнаго оживленія! Они должны узнать, что, когда я захочу, и у меня хватитъ силъ взволновать воду, застывшую въ великихъ хранилищахъ будущаго... Алладина! Алладина! Какъ ты прекрасна! Волосы твои покоятся на цвѣтахъ, ротъ твой полуоткрытъ— онъ свѣжѣе зари... Я поцѣлую тебя такъ, что ты этого и не замѣтишь... Я придержу свою бѣдную, сѣдую бороду... Целуетъ ее. Она улыбнулась! О, какъ мнѣ тебя жаль! Ты будешь королевой за тѣ немногіе дни, которые отдала мнѣ! И я сдѣлаю хоть немного добра, прежде чѣмъ уйду навсегда. Какъ они будутъ удивлены! Она сама еще ничего не знаетъ... Она просыпается въ испугѣ... Что съ тобой, Алладина?

Алладина. Я видѣла дурной сонъ...

Авламоръ. Что съ тобой? Почему ты смотришь въ ту сторону?

Алладина. Кто то прошелъ по дорогѣ.

Авламоръ. Я ничего не слышалъ.

Алладина. А я вамъ говорю, что кто то идетъ сюда... Вотъ онъ! Она указываетъ на молодого человѣка, который пробирается между деревьями, держа лошадь въ поводу. Не держите меня за руку, я не боюсь... онъ насъ не видитъ.

Абламоръ. Кто смѣлъ притти сюда? Еслибы я не зналъ... кажется, это Паломидъ, женихъ Астолэны... онъ поднималъ голову... Это вы, Паломидъ?

Входитъ Паломидъ.

Паломидъ. Да, отецъ мой... Если мнѣ позволено васъ такъ называть, я прѣхалъ раньше назначеннаго дня и часа...

Абламоръ. Вы всегда здѣсь будете желаннымъ гостемъ. Но что случилось? Мы ждали васъ не раньше, какъ черезъ два дня... Астолэна здѣсь?

Паломидъ. Нѣтъ, она будетъ здѣсь завтра... Мы ѣхали безъ отдыха, она утомилась и просила меня прѣхать впередъ. Сестры мои здѣсь?

Абламоръ. Онъ здѣсь уже три дня, въ ожиданіи вашей свадьбы... Вы, кажется, очень счастливы, Паломидъ?

Паломидъ. Кто же не будетъ счастливъ, найдя то, что искалъ... Я грустилъ когда-то, но теперь жизнь мнѣ кажется легче, нѣжливѣй и безобиднѣй птички, которую бы я взялъ въ руки... А если случайно меня тяготятъ старыя воспоминанія, я приближаюсь къ Астолонѣ, и тогда мнѣ кажется, будто въ открытое окно я вдыхаю воздухъ зари... Ея душа витаетъ вокругъ нея... Она заключаетъ васъ въ свои объятія, какъ больное дитя и исцѣляетъ, не говоря ни слова, отъ всѣхъ вашихъ скорбей. Я не понимаю, какъ это происходитъ! Я не знаю, въ чемъ тутъ заключается сила, но колѣни мои невольно склоняются, когда я о ней думаю...

Алладина. Я хочу домой.

Абламоръ, видя, что Алладина и Паломидъ украдкой разглядываютъ другъ друга. Это крошка Алладина, которая пришла къ намъ сюда изъ глубины Аркади. Подайте же другъ другу руки... Васъ это удивляетъ, Паломидъ?

Паломидъ. Отецъ мой!

Лошадь Паломида дѣлаетъ скачокъ, который пугаетъ ягненка Алладины

Абламоръ. Осторожнѣй! Ваша лошадь испугала ягненка Алладины—онъ убѣжитъ.

Алладина. Онъ никогда не убѣгаетъ отъ меня... Онъ только испугался, но онъ не убѣжитъ... Этого ягненка подарила мнѣ крестная мать, онъ совсѣмъ особенный... Онъ всегда со мной—и днемъ, и ночью... Ласкаетъ его.

Паломидъ, также лаская его. Онъ смотритъ на меня глазами ребенка.

Алладина. Онъ понимаетъ все, что происходитъ.

Абламоръ. Паломидъ, вамъ пора идти къ сестрамъ, онѣ будутъ такъ удивлены увидавъ васъ.

Алладина. Онѣ каждый день ходили къ повороту дороги... и я ходила съ ними вмѣстѣ, но онѣ не надѣялись такъ скоро...

Абламоръ. Пойдемте. Паломидъ весь покрытъ пылью, онъ вѣроятно усталъ съ дороги... Мы слишкомъ многое должны сказать другъ другу, чтобы говорить объ этомъ здѣсь... Мы поговоримъ завтра, вѣдь не даромъ сказано, что утро вечера мудренѣй... Я вижу, что двери замка открыты и какъ будто ожидаютъ насъ...

Алладина. Я невольно испытываю какую-то тревогу каждый разъ, какъ возвращаюсь во дворецъ. Онъ такъ вс-

ликъ, а я такъ мала... я все еще теряюсь въ немъ... Всѣ эти окна, смотрящія на море—ихъ и не сочтешь! А коридоры, которые то вдругъ поворачиваютъ безъ всякой надобности, то безконечно тянутся между стѣнъ... а огромныя залы, куда я не смѣю даже войти!

Паломидъ. Мы будемъ ходить съ вами всюду.

Алладина. Мнѣ кажется, что я не была создана, чтобы жить въ этомъ дворцѣ, или вѣрнѣй онъ былъ построенъ не для меня... Разъ я въ немъ заблудилась... Я должна была открыть тридцать дверей, прежде чѣмъ увидала дневной свѣтъ... выйти было нельзя... послѣдняя дверь вела къ пруду!.. А своды, которые все лѣто дрожатъ отъ холода, а эти безпрестанно изгибающіяся галлерей?.. Тамъ есть лѣстницы, которыя никуда не ведутъ и террасы, съ которыхъ ничего не видно...

Абламоръ. Какъ много говоришь сегодня ты, молчавшая до сихъ поръ.

Уходить.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Видна Алладина, прижавшаяся лицомъ къ одному изъ оконъ выходящихъ въ паркъ.

Входитъ Абламоръ.

Абламоръ. Алладина!

Алладина. Что тебѣ?

Абламоръ. Какъ ты блѣдна. Ты нездорова?

Алладина. Нѣтъ.

Абламоръ. Что ты тамъ нашла въ паркѣ? Или ты смотрѣла на аллею съ фонтанами, которые видны изъ твоихъ оконъ? Эти фонтаны неутомимы и великолѣпны... Ихъ воз-

двигали одинъ за другимъ послѣ смерти каждой изъ моихъ дочерей... Ночью я слышу ихъ пѣнье въ саду, они напоминаютъ мнѣ существа, которыхъ замѣнили, и я умѣю различать ихъ голоса...

Алладина. Сухо. Я это знаю.

Абламоръ. Ты должна быть снисходительнѣй ко мнѣ, я часто повторяюсь... память моя ослабла... Слава Богу, это не отъ старости! Я еще не старикъ... но у королей есть тысячи заботъ.—Паломидъ разсказалъ мнѣ всѣ свои приключенья.

Алладина. Ахъ, да!

Абламоръ. Онъ еще не исполнилъ всего, что хотѣлъ свершить, молодежь стала безвольна, и онъ удивляетъ меня! Я выбралъ его для своей дочери среди тысячи другихъ... я хотѣлъ, чтобы его душа была такъ же глубока, какъ и ея. Правда, онъ не совершилъ ничего предосудительнаго, но я ожидалъ большаго!—А что ты о немъ скажешь?

Алладина. О комъ?

Абламоръ. О Паломидѣ.

Алладина. Я видѣла его такъ недолго.

Абламоръ. Онъ меня удивляетъ. До сихъ поръ все ему удавалось, онъ исполнялъ, не говоря ни слова, всѣ свои начинанія. Безъ труда избѣгалъ онъ опасности, тогда какъ другимъ достаточно открыть дверь, чтобы найти за ней смерть. Онъ былъ тѣмъ избранникомъ, передъ которымъ преклоняется сама судьба... Но что-то порвалось съ нѣкоторыхъ поръ, точно звѣзда его померкла и кажется, что каждый шагъ отдѣляетъ его отъ самого себя... Я не знаю, что это? Самъ онъ, кажется, ничего не замѣчаетъ, но окружающимъ это бросается въ глаза... Но будемъ лучше говорить о другомъ! Ночь наступаетъ... Я вижу, какъ она обвалакиваетъ

ствны двора. Хочешь пойти со мной, какъ въ прежніе вечера въ лѣсъ Астола?

Алладина. Я не выйду сегодня вечеромъ.

Абламоръ. Такъ останемся здѣсь, если ты этого хочешь... хотя воздухъ такъ хорошъ, вечеръ тихъ и нѣженъ. Алладина незамѣтно для него вздрагиваетъ. Я велѣлъ посадить вдоль изгороди цвѣты и хотѣлъ ихъ тебѣ показать...

Алладина. Только не сегодня... прошу васъ... я люблю тамъ бывать съ вами вмѣстѣ, воздухъ такъ чистъ и деревья... только не сегодня вечеромъ. Причась на груди у старика. Я немного нездорова...

Абламоръ. Что съ тобой? Ты падаешь? Я позову...

Алладина. Нѣтъ, нѣтъ... ничего... все прошло.

Абламоръ. Сядь здѣсь... подожди меня...

Онъ идетъ къ двери въ глубинѣ сены и раскрываетъ ее настежь. Противъ двери на скамьѣ виденъ сидящій Паломидъ, который не успѣваетъ отвести своихъ глазъ въ сторону. Абламоръ пристально и молча смотритъ на него, потомъ входитъ снова въ комнату. Паломидъ встаетъ и удаляется по коридору, заглушая шумъ своихъ шаговъ. Ручной ягненочъ незамѣтно уходитъ изъ комнаты.

ВТОРАЯ СЦЕНА.

ПОДЪЕМНЫЙ МОСТЪ НА ОДНОМЪ ИЗЪ РВОВЪ, ОКРУЖАЮЩИХЪ ДВОРЕЦЪ.

На двухъ противоположныхъ концахъ моста появляются Паломидъ и Алладина съ ручнымъ ягненочкомъ. Король Абламоръ смотритъ въ одно изъ оконъ башни.

Паломидъ. Вы уходите, Алладина? А я возвращаюсь домой съ охоты... Идетъ дождь...

Алладина. Я никогда еще не проходила по этому мосту.

Паломидъ. Онъ ведетъ въ лѣсъ и никто по немъ не ходитъ, предпочитая идти въ обходъ... Я думаю, что всѣ боятся его, такъ какъ ровъ здѣсь глубже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, а сбѣгающая съ горъ темная вода страшно бурлитъ между стѣнъ... Она всегда здѣсь клокочетъ, но валы такъ высоки, что ее едва видно. Это самая пустынная часть дворца, но лѣсъ съ этой стороны прекраснѣй, гуще и древнѣй того, который вы уже видѣли, онъ полонъ чудесныхъ, необычайныхъ деревьевъ... цвѣтовъ, которые рождаются и расцвѣтаютъ сами собой... Пойдемте?

Алладина. Право, не знаю, я боюсь этой клокочущей воды...

Паломидъ. Идемте, идемте, она только клокочетъ. Вотъ смотрите! Вашъ ягненокъ глядитъ на меня, точно выражаетъ желанье идти. Идемте же, идемте...

Алладина. Не зовите его, онъ убѣжитъ.

Паломидъ. Идемте, идемте!

Ягненокъ, вырвавшись изъ рукъ Алладины, бѣжитъ къ Паломиду, но, поскользнувшись на покатомъ полу подъемнаго моста, падаетъ въ ровъ.

Алладина. Что съ нимъ? Гдѣ же онъ?

Паломидъ. Онъ поскользнулся... онъ бьется теперь на днѣ пропасти... Не смотрите, — теперь ужъ ничего не подѣлаешь...

Алладина. Вы должны спасти его!

Паломидъ. Его спасти? Посмотрите же, онъ уже въ водоворотѣ, черезъ минуту онъ будетъ подъ сводами и самъ Богъ его никогда уже не увидитъ.

Алладина. Уйдите, уйдите прочь!

Паломидъ. Что съ вами?

Алладина. Я не хочу васъ больше видѣть!

Абламоръ стремительно входитъ, хватаетъ Алладину за руку и грубо увлекаетъ ее за собой, не сказавъ ни слова.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

КОМНАТА ВО ДВОРЦѢ.

Абламоръ и Алладина.

Абламоръ. Ты видишь, Алладина, руки мои уже больше не дрожатъ и сердце бьется спокойно, какъ у заснуващаго ребенка, голосъ мой никогда не былъ взволнованъ гнѣвомъ. Я не сержусь на Паломида, хотя всѣ его поступки могутъ показаться непростительными... А на тебя кто же можетъ сердиться? Ты повинешься невѣдомымъ тебѣ законамъ и не можешь иначе поступать. Я не сталъ бы говорить съ тобой обо всемъ, происшедшемъ на мосту, обо всемъ, что могло бы мнѣ напомнить смерть ягненка, если бы хоть одну минуту вѣрилъ въ предзнаменованія... Но вчера вечеромъ я случайно увидалъ поцѣлуй, которымъ вы обмѣнялись подъ окнами Астолэны. Въ эту минуту я былъ съ ней, въ ея комнатѣ. Ея дивная душа до того боится возмутить счастье окружающихъ, хотя бы одной слезинкой

или просто движенъемъ вѣкъ, что мы никогда не узнаемъ, видала ли она, какъ и я, этотъ злосчастный поцѣлуй. Но я знаю, какъ она можетъ страдать!—Я не спрощу у тебя ничего такого, въ чемъ бы ты не могла признаться, мнѣ хотѣлось бы только знать, было ли у тебя скрытое намѣреніе, когда ты пошла вслѣдъ за Паломидомъ, подъ окно, гдѣ вы должны были видѣть насъ.. Отвѣчай мнѣ, не боясь ничего, ты заранѣе вѣдь знаешь, что я все прощу.

Алладина. Я его не цѣловала.

Абламоръ. Что? Ты не цѣловала Паломида и онъ тебѣ не цѣловалъ?

Алладина. Нѣтъ.

Абламоръ. Послушай! Я пришелъ съ тѣмъ, чтобы простить тебѣ все... я думаю, что ты поступила такъ, какъ часто поступаемъ всѣ мы, оставляя безучастной свою душу... Но теперь я хочу знать все, что произошло.. Ты любишь Паломида и поцѣловала его на моихъ глазахъ.

Алладина. Нѣтъ.

Абламоръ. Не уходи... я жалкій старикъ... не убѣгай отъ меня.

Алладина. Я не бѣгу...

Абламоръ. Да, ты не бѣжишь, считая мои бѣдныя, старыя руки безпомощными... Но у нихъ еще хватить силы, чтобы вырвать тайну! Схватываетъ ее за руки. И онѣ еще могутъ бороться съ тѣми, которыя ты предпочла. Закидываетъ ей руки за спину. А, ты молчишь... Но придетъ минута, когда вся твоя душа забьетъ ключемъ изъ глубины страданья, какъ чистая и глубокая вода...

Алладина. Нѣтъ, нѣтъ.

А владморъ. Опять... но мы стоимъ не у конца... цуть длинень... и обнаженная истина скрывается между скалами... Когда же она придетъ? Я уже вижу ея тѣнь въ твоихъ глазахъ, и свѣжее ея дыханье сейчасъ коснется моего лица... Алладина! Алладина! Внезапно выпускаетъ ее изъ рукъ. Я слышалъ, что твои кости стонали, какъ дѣти... я не сдѣлалъ тебѣ больно? Не стой передо мной на колѣняхъ, это долженъ сдѣлать я... Опускается на колѣни. Я.—жалкій старикъ... ты должна сознаться... я прошу тебя не за себя одного... у меня только одна бѣдная дочь... всѣ остальные умерли... Ихъ было семь около меня... всѣ онѣ были прекрасны и полны счастья. Я ихъ больше не видѣлъ... и та единственная, которая у меня осталась, готовилась умереть... она уже не любила жизнь! Но вотъ однажды въ ея жизни произошла неожиданная встрѣча, и я увидѣлъ, что она потеряла желанье умереть! Вѣдь я не прошу невозможнаго?.. Алладина плачетъ и молчитъ.

ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА.

КОМНАТА АСТОЛЭНЫ.

Астолэна и Паломидъ.

Паломидъ. Когда я встрѣтилъ васъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Астолэна, мнѣ показалось, что я нашелъ то, чего искалъ въ теченіе долгихъ лѣтъ... До встрѣчи съ вами я не понималъ значенія трогательной доброты и нѣжной простоты женщины... я былъ такъ глубоко потрясенъ ею, что мнѣ казалось, будто я впервые встрѣтилъ человѣческое существо. Точно раньше я жилъ въ запертой комнатѣ,

дверь которой вы открыли, и я вдруг постигъ душу другихъ людей и понялъ, чѣмъ должна быть моя собственная душа.. Съ тѣхъ поръ я глубже узналъ васъ.. я видѣлъ ваши поступки, а также и отъ другихъ научился цѣнить васъ.. Бывали вечера, когда я, покидая васъ, забивался въ какой нибудь уголокъ дворца, чтобы тамъ плакать отъ восторга, только потому, что вы подняли на меня свои глаза, сдѣлали маленькое безсознательное движенье или просто улыбнулись безъ всякой видимой причины, но именно въ ту минуту, когда окружающія васъ души требовали этой улыбки и наслаждались ею.. Одна вы умѣете угадывать эти минуты.. Вы мнѣ кажетесь какой-то всеобщей душой, и тѣ, которые не были около васъ, не могутъ понять, что такое истинная жизнь! Я говорю вамъ все это сегодня, потому что почувствовалъ, что никогда не буду гѣмъ, чѣмъ надѣялся быть.. Я встрѣтился съ случайностью, а, можетъ быть, и самъ шелъ ей на встрѣчу, такъ какъ никогда не знаешь, сами ли мы управляемъ движеньями души или случай толкаетъ насъ! Такъ вотъ произошла случайность, которая открыла мнѣ глаза въ ту самую минуту, когда мы оба хотѣли обречь себя на несчастье.. и я понялъ, что существуетъ власть болѣе непонятная, чѣмъ красота самой чудной души, а вѣроятно и болѣе могущественная, такъ какъ я долженъ ей повиноваться... Не знаю, поняли ли вы меня? Если поняли, то сжалитесь. Я убѣждалъ себя, какъ могъ... я понимаю какъ много теряю, такъ какъ знаю, что моя душа рядомъ съ вашей—это душа бѣднаго безсильнаго ребенка, и все-таки у меня нѣтъ силъ сопротивляться...

А столѣца. Не плачьте... и я вѣдь знаю, что не всегда можно поступать такъ, какъ хочешь! Я знала, что вы при-

дете... Вѣроятно на свѣтѣ существуетъ законъ болѣе могущественный, чѣмъ законы нашихъ душъ, о которыхъ мы вѣчно говоримъ... Порывисто цѣлуетъ его... но тѣмъ больше люблю я тебя, мой бѣдный Паломидъ.

Паломидъ. И я также люблю тебя... Люблю больше той... которую люблю! Ты плачешь со мной вмѣстѣ?

Астолэна. Нѣтъ, ничего, это не горькія слезы... не огорчайся... я плачу, потому что я женщина, но вѣдь говорятъ, что наши слезы—вода... Ты видишь, я уже потеряла ихъ... я хорошо видѣла все и ждала только пробужденія—оно настало, и я могу дышать спокойнѣй, такъ какъ счастья у меня больше нѣтъ... теперь надо что нибудь рѣшить за тебя и за нее, такъ какъ у отца уже явились подозрѣнія. Уходить.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

КОМНАТА ВО ДВОРЦѢ.

Видны Авламоръ и Астолэна, которая стоитъ въ глубинѣ сцены, на порогѣ полуоткрытой двери.

Астолэна. Отецъ мой, я пришла, повинуюсь голосу, которому не въ силахъ уже противиться. Я говорила вамъ, что произошло въ моемъ сердцѣ послѣ встрѣчи съ Паломидомъ... онъ не былъ похожъ на другихъ людей... сегодня я не знаю, что я должна сказать ему, и вотъ пришла за вашей помощью... я поняла, что не могу любить... онъ остался тѣмъ же, одна я измѣнилась... или не поняла. И

такъ какъ я не способна любить, какъ мечтала, того, кого избрала среди другихъ, надо закрыть свое сердце... Я знаю это и больше не взгляну на любовь... я буду жить возлѣ вась безъ тоски и безпокойства... Я чувствую, что буду счастлива.

Абламоръ. Подойди сюда, Астолэна... не такъ говорила ты прежде со своимъ отцомъ. Ты стоишь здѣсь на порогѣ пріоткрытой двери, точно готовишься къ бѣгству. Рука твоя держитъ ключъ, точно ты хочешь навсегда замкнуть отъ меня тайну твоего сердца... Ты хорошо знаешь, что я не понимаю всего, что ты мнѣ сказала,—слова лишаются смысла, когда души далеки другъ отъ друга... Подойди ближе и молчи. Астолэна медленно приближается. Бываютъ минуты, когда двѣ души, соприкасаясь, узнаютъ все безъ помощи словъ... подойди... наши души еще не коснулись другъ друга. свѣтъ ихъ лучей такъ слабъ вокругъ насъ... Астолэна останавливается. Ты не рѣшаешься? Тебѣ извѣстенъ предѣлъ, до котораго можно дойти?.. Ну такъ я самъ подойду къ тебѣ... Маленькими шагами приближается къ Астолэнѣ, потомъ останавливается и долго на нее смотреть. Я вижу тебя, Астолэна!

Астолэна. Отецъ! Рыдая пѣлуетъ старика.

Абламоръ. Ты видишь, что все было бесполезно.

ВТОРАЯ СЦЕНА.

КОМНАТА ВО ДВОРЦѢ.

Паломидъ и Алладина входятъ.

Паломидъ. Все будетъ готово завтра. Мы не можемъ дольше ждать. Онъ бродитъ, какъ безумный, по коридорамъ дворца... я только что встрѣтилъ его, онъ молча посмотрѣлъ на меня и прошелъ мимо, а когда я обернулся, то увидаль, что онъ смѣется, махая ключами... Когда же онъ

увидать, что я смотрю на него, онъ началъ улыбаться и дѣлать мнѣ знаки. — у него есть, вѣроятно, какой нибудь скрытый планъ... Мы въ рукахъ челоуѣка, разумъ котораго начнетъ колебаться, но завтра мы будемъ далеко отсюда... тамъ есть чудныя страны, похожія на твою родину. Астолена уже подготовила все для бѣгства намъ и сестрамъ.

Алладина. Что она сказала?

Паломидъ. Ничего, ничего, ты узнаешь послѣ... Въ замкѣ моего отца ты увидишь послѣ столькихъ дней, проведенныхъ между моремъ и лѣсами, чудныя горы и озера, непохожія на эти. принужденныя вѣчно видѣть надъ собой сѣрое небо, подобное нешернымъ сводамъ съ жалкими чахлами отъ бурь деревьями... Небо заставитъ тамъ забыть о всѣхъ горестяхъ, ты будешь жить среди вѣчно оживленныхъ лѣсовъ и цвѣтовъ, которые никогда не закрываются...

Алладина. Она плакала?

Паломидъ. О чемъ ты спрашиваешь? Мы не имѣемъ права говорить объ этомъ, слышишь? Это жизнь, не принадлежащая къ нашей жалкой жизни, и любовь, къ которой мы должны приближаться въ молчаньи... Когда я думаю о ней, мнѣ кажется, что мы какіе-то жалкіе нишіе въ лохмотьяхъ! Уходи... уходи... я наговорю тебѣ лишняго.

Алладина. Паломидъ, что случилось?

Паломидъ. Уходи, уходи... я видѣлъ слезы, источникъ которыхъ былъ глубже глазъ... существуетъ нѣчто другое... хотя мы можетъ быть и правы... но Боже, какъ не хочу я быть правымъ такою цѣной... Уходи... я все скажу тебѣ завтра... До завтра! до завтра!

Уходить въ разные стороны.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

КОРИДОРЪ ОКОЛО КОМНАТЫ АЛЛАДИНЫ.

Входятъ Астолэна и сестры Паломида.

Астолэна. Лошади ждутъ въ лѣсу, но Паломиль не хочетъ бѣжать, хотя его и ваша жизнь въ опасности. Я не узнаю моего бѣднаго отца... его преслѣдуетъ мысль, которая омрачаетъ его разумъ. Вотъ уже три дня, какъ я слѣжу за нимъ шагъ за шагомъ, прячась за колоннами, такъ какъ онъ не терпитъ, чтобы ему сонутствовали... Сегодня, какъ всѣ предыдущіе дни, едва только забрежжилъ свѣтъ утра, онъ отправился бродить по коридорамъ и заламъ дворца, вдоль стѣнъ и рвовъ, махая огромной связкой золотыхъ ключей, которые онъ приказалъ себѣ сдѣлать, и громко распѣвая при этомъ пѣсню, странный припѣвъ которой „идите, куда глаза глядятъ“, долеталъ, можетъ быть, и до вашихъ комнатъ... Я скрывала отъ васъ все это, потому что мнѣ тяжело было говорить... Онъ, вѣроятно, заперъ Алладину въ этой комнатѣ, но никто не знаетъ, что онъ съ ней сдѣлалъ... Каждую ночь, едва онъ только удалялся я подходила къ этимъ дверямъ, но не слышала ни малѣйшаго шума... Слышите вы что нибудь?

Одна изъ сестеръ Паломида. Нѣтъ, я ничего не слышу, кромѣ свиста вѣтра, который врывается въ щели.

Другая сестра. Когда я прислушиваюсь мнѣ кажется, будто я слышу маятникъ стѣнныхъ часовъ.

Третья сестра. Но кто же она? Эта маленькая Алладина? И почему онъ такъ сердитъ на нее?

Астолэна. Эта маленькая рабыня гречанка, привезенная сюда изъ глубины Аркадіи... Онъ не сердитъ на нее, но... Вы слышите? Это мой отецъ... Вдали слышно пѣнье. Спрячьтесь за столбы... онъ не хочетъ, чтобы ктонибудь проходилъ по этому коридору.

Онъ прячутся. входитъ Авламоръ, махая связкой большихъ ключей.

Авламоръ входитъ и пѣетъ. Утомленный онъ садится на скамью воздѣ комнаты Алладины, нагѣваетъ еще нѣкоторое время и засыпаетъ, закинувъ назадъ голову и свѣсивъ руки.

Астолэна. Идемте, идемте—не шумите. Онъ заснулъ на скамьѣ. О, мой бѣдный, старый отецъ! Какъ посѣдѣли его волосы за эти дни... Онъ такъ старъ и слабъ, что даже сонъ не въ силахъ его успокоить... Вотъ уже цѣлыхъ три дня, какъ я не смѣю взглянуть ему въ лицо.

Одна изъ сестеръ Паломида. Онъ спитъ глубокимъ сномъ.

Астолэна. Да, сонъ его глубокъ, но я вижу, что душа его не знаетъ покоя... Солнце играетъ на его вѣкахъ, я наброшу плащъ на его лицо...

Другая сестра. Нѣтъ, нѣтъ, не трогайте, онъ можетъ вдругъ проснуться...

Астолэна. Кто-то идетъ по коридору... подите, встаньте передъ нимъ, закройте его, я не хочу, чтобы ктонибудь чужой засталъ его въ такомъ видѣ...

Сестра Паломида. Это Паломидъ.

А столѣна. Я закрою его усталые глаза. Она закрываетъ Абламорѣ лицо. Я не хочу, чтобы Паломидѣ увидалъ его такимъ—онъ слишкомъ жалокъ... Входитъ Паломидѣ.

Паломидѣ. Что случилось?

Одна изъ сестеръ Паломидѣ. Онъ заснулъ на скамьѣ.

Паломидѣ. Я незамѣтно слѣдилъ за нимъ, онъ вамъ ничего не сказалъ.

А столѣна. Нѣтъ, но вы видите, какъ онъ страдаетъ.

Паломидѣ. Ключи у него?

Другая сестра. Онъ ихъ держитъ въ рукѣ.

Паломидѣ. Я ихъ возьму.

А столѣна. Что вы дѣлаете? Не разбудите его. вотъ уже три ночи, какъ онъ бродитъ по дворцу.

Паломидѣ. Я разожму его руку такъ, что онъ ничего не почувствуетъ... Мы не имѣемъ права ждать дольше. Кто знаетъ, что онъ съ ней сдѣлалъ... Онъ проститъ насъ, когда снова вернется къ разсудку... О, какъ стала безсильна его рука!

А столѣна. Тихе! Тихе!

Паломидѣ. Вотъ ключи!.. Которымъ изъ нихъ надо отпереть?.. Я сейчасъ отпущу...

Одна изъ сестеръ. Я боюсь... Не отпирай сейчасъ Паломидѣ.

Паломидѣ. Оставайтесь здѣсь... неизвѣстно, что я тамъ найду.

Отпираетъ дверь и входитъ въ комнату.

А столѣна. Она тамъ?

Паломидѣ. Изъ комнаты. Я ничего не вижу... ставни закрыты!

Астолэна. Осторожниѣй, Паломидъ! Хочешь, я войду первая?.. Твой голосъ дрожить!

Паломидъ. Изъ комнаты. Нѣтъ, не надо... я вижу лучи солнца, пробивающіеся сквозь щели...

Одна изъ сестеръ. Да, сегодня солнце свѣтитъ ярко.

Паломидъ. Идите, идите, кажется она...

Астолэна. Ты видишь ее?

Паломидъ. Она лежитъ на постели... неподвижно! Не думаю, чтобы... Идите, идите... Всѣ входятъ въ комнату.

Астолэна и сестра Паломида изъ комнаты. Она здѣсь! Нѣтъ, она не умерла... Алладина! Алладина! О, бѣдное дитя! Не кричите... она въ обморокъ... Ротъ ея закрытъ, волосы связаны на немъ узломъ, руки ея скручены за спиной... онѣ также связаны волосами... Алладина! Алладина! Принесите воды...

Приснувшійся Абламоръ появляется на порогѣ комнаты.

Астолэна. Отецъ здѣсь!

Абламоръ. Подходить къ Паломиду. Это вы открыли дверь?

Паломидъ. Да, это я сдѣлалъ... я... я... не могу позволить ей умереть у себя на глазахъ! Смотрите, что вы надѣлали... Алладина, не бойся! Она открываетъ глаза... я не хочу..

Абламоръ. Не кричите, не кричите такъ... подите сюда... мы сейчасъ откроемъ ставни... Здѣсь ничего не видно... Алладина! Она уже встала. Подойди и ты сюда, Алладина! Вы видите, дѣти мои, какъ темно въ этой комнатѣ... такъ темно, точно мы глубоко подъ землей... Но вотъ я открываю ставни и—смотрите, весь ослѣпительный свѣтъ солнца и небо врывается къ намъ... не нужно дѣлать усилій... свѣтъ такъ милостивъ, стоитъ только позвать его—

онъ всегда повинуется... Видали вы рѣку съ ея островами, покрытыми цвѣтушими долинами?... Небо сегодня чисто какъ хрустальное кольцо! Алладина! Паломидъ! Смотрите—вотъ рай—приблизьтесь къ нему! Вы должны поцѣловать другъ друга при свѣтѣ новой жизни... я не сержусь на васъ, вы совершили то, что вамъ было предназначено... я тоже... Склонитесь на минуту въ открытое окно... взгляните еще разъ на нѣжную зелень.

Молчанье. Онъ молча затворяетъ ставни.

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

ОБШИРНАЯ ПОДЗЕМНАЯ ПЕЩЕРА.

Алладина и Паломидъ.

Паломидъ. Они связали мнѣ руки, завязали глаза...

Алладина. И мнѣ они связали руки и завязали глаза... Кажется мои руки въ крови!

Паломидъ. Подождите! Вотъ когда я благословляю свою силу... я чувствую, что веревки поддаются... еще одно усиліе и руки мои свободны!.. Еще одно только усиліе... Вотъ мои руки... срывая повязку... и глаза...

Алладина. Вы видите что нибудь?

Паломидъ. Да.

Алладина. Гдѣ мы?

Паломидъ. Гдѣ вы?

Алладина. Я здѣсь. Развѣ вы меня не видите?

Паломидъ. Глаза мои еще застилаются слезами отъ повязки я ничего не вижу, хотя насъ окружаетъ не пол-

ный мракъ... Это вы стоите въ той сторонѣ, гдѣ больше свѣта?

Алладина. Я здѣсь. Идите ко мнѣ.

Паломидъ. Вы стоите въ полосѣ свѣта, который про-никаетъ къ намъ, не двигайтесь... я не могу разглядѣть того, что окружаетъ насъ... Мои глаза все еще болятъ отъ повязки... Они стянули ихъ такъ, что казалось вѣки мои лопнуть...

Алладина. Идите ко мнѣ... веревка душитъ меня, я не могу выносить дольше.

Паломидъ. Я слышу только вашъ голосъ, идущий отъ свѣта...

Алладина. Гдѣ вы?

Паломидъ. Я самъ этого не знаю... Я двигаюсь ощупью въ потьмахъ... говорите, чтобы я могъ васъ найти... Вы кажетесь мнѣ стоящей въ полосѣ безграничнаго свѣта...

Алладина. Идите... идите скорѣй! Я страдала до сихъ поръ молча, но теперь больше не могу...

Паломидъ, двигаясь ощупью. Вы здѣсь? Я думалъ, что вы такъ далеко! Слезы обманули меня... Я здѣсь, я вижу васъ... О, ваши руки изранены... Они въ крови! Кровь течетъ по вашему платью, и узлы впились вамъ въ тѣло... У меня нѣтъ оружія. Они отняли мой кинжалъ... я разорву веревки... подождите... вотъ узелъ!

Алладина. Снимите сперва повязку, которая меня лишаетъ зрѣнія.

Паломидъ. Я не могу... я не вижу! Мнѣ кажется, будто она окружена сѣтью золотыхъ нитокъ...

Алладина. Тогда развяжите мнѣ руки... руки мои...

Паломидъ. Они связали васъ шелковыми веревками. подождите... веревка закручена разъ тридцать... Но я распутаю узелъ... вотъ! О! ваши руки въ крови! Онѣ точно мертвыя.

Алладина. Нѣтъ! нѣтъ! Онѣ живы! Онѣ живы!
Смотрите...

Едва освободивши руки, она обнимаетъ ими шею Паломиды и страстно его цѣлуетъ.

Паломидъ. Алладина!

Алладина. Паломидъ!

Паломидъ. Алладина! Алладина!

Алладина. Я счастлива... я такъ долго ждала...

Паломидъ. Я боялся притти...

Алладина. Я такъ счастлива... Но я хочу тебя видѣть...

Паломидъ. Они укрѣпили повязку, точно шлемъ...

Не обертывайся... я нашелъ золотую нить...

Алладина. Нѣтъ, нѣтъ! Я обернусь...

Обертывается, чтобы поцѣловать его.

Паломидъ. Тише, не двигайся... я боюсь поранить тебя...

Алладина. Сорви ее! Сорви—не бойся... Я уже не могу теперь страдать...

Паломидъ. И я хочу тебя видѣть...

Алладина. Сорви ее, сорви... я уже не чувствую боли... Сорви... Ты знаешь, я хотѣла бы умереть... Гдѣ мы?

Паломидъ. Ты увидишь... увидишь... Это безчисленные пещеры... Огромная голубая залы, ослѣпительныя колонны и высокіе своды...

Алладина. Зачѣмъ ты не отвѣчаешь мнѣ, когда я тебя спрашиваю?..

Паломидъ. Не все ли равно, гдѣ мы, разъ мы вмѣстѣ...

Алладина. Ты уже меньше любишь меня теперь?

Паломидъ. Что съ тобой?

Алладина. Я такъ ясно ощущаю свою жизнь, когда прижмусь къ твоему сердцу... Сорви же повязку... Я не хочу войти въ твою душу, какъ слѣпая... Что ты дѣлаешь, Паломидъ? Ты не смѣешься, когда смѣюсь я, и ты не плачешь со мной вмѣстѣ... Ты не ликуешь, какъ и я, и не дрожишь, когда я говорю съ тобой, трепеща до глубины сердца? Сорви повязку, я хочу тебя видѣть... Вотъ такъ... поверхъ волосъ! О! Она срываетъ повязку.

Паломидъ. Ты видишь что-нибудь?

Алладина. Да, я вижу только тебя...

Паломидъ. Что съ тобой, Алладина? Ты цѣлуешь меня съ такой грустью...

Алладина. Гдѣ мы?

Паломидъ. Почему ты такъ печально спрашиваешь меня объ этомъ?

Алладина. Печали во мнѣ нѣтъ... Но я едва могу открыть глаза...

Паломидъ. Мнѣ кажется, будто радость твоя поскользнулась на моихъ губахъ, какъ ребенокъ на порогъ дома... Не оборачивайся, я боюсь, что ты исчезнешь... боюсь мечтать...

Алладина. Гдѣ мы?

Паломидъ. Мы въ пещерахъ, которыхъ я никогда не видѣлъ раньше... Тебѣ не кажется, что свѣтъ увеличился? Я ничего не могъ различить, когда открылъ глаза теперь все выступаетъ яснѣй и яснѣй. Мнѣ часто рассказывали о чудесныхъ пещерахъ, надъ которыми построены дворецъ Абламора. Никто не спускался внизъ, и одинъ только король владѣетъ ключами. Я знаю, что море наводняетъ самыя низкия изъ нихъ... вѣроятно насъ сейчасъ освѣщаетъ отблескъ моря... Насъ хотѣли похоронить во-

мракѣ ночи. Они спустились сюда со свѣтильнями, факелами и не увидали ничего кромѣ мрака... но свѣтъ льется намъ навстрѣчу, потому что они лишили насъ всего. Свѣтъ увеличивается... Я увѣренъ, что это заря, пронизывающая океанъ, посылаетъ къ намъ черезъ его зеленныя волны самый чистый лучъ своей дѣвственной души.

Алладина. Сколько времени мы уже здѣсь?

Паломидъ. Не знаю, я не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, прежде чѣмъ услышалъ тебя...

Алладина. Не знаю, какъ все это произошло... Я спала въ той комнатѣ, гдѣ ты меня нашелъ, а когда проснулась, то руки мои были прикручены къ поясу, а глаза завязаны.

Паломидъ. Я также спалъ и ничего не слышалъ, и прежде чѣмъ успѣлъ открыть глаза, почувствовалъ уже на нихъ повязку. Я пытался бороться съ завязанными глазами, но они пересилили. Вѣроятно я проходилъ подъ глубокими сводами, потому что чувствовалъ, какъ холодъ ложился мнѣ на плечи... Я спускался такъ долго, что не могъ сосчитать ступени... Тебѣ никто не сказалъ ни слова?

Алладина. Никто не говорилъ. Я слышала, какъ кто-то плакалъ, идя за мной... Потомъ я лишилась чувствъ.

Паломидъ, цѣлуя ее. Алладина!

Алладина. Какъ грустно цѣлуешь ты меня!

Паломидъ. Не закрывай своихъ глазъ, когда я цѣлую тебя... Я хочу видѣть, какъ дрожать мои поцѣлуи въ твоемъ сердцѣ, хочу видѣть, какъ поднимается роса изъ твоей души... Всегда ли останутся такими наши поцѣлуи?

Алладина. Всегда... всегда...

Паломидъ. Нѣтъ, нѣтъ, никто не цѣлуетъ дважды надъ сердцемъ смерти... Какъ ты прекрасна! Я въ первый

разъ вижу тебя вблизи... Странно, люди думаютъ, что они видятъ другъ друга, когда проходятъ въ двухъ шагахъ одинъ отъ другого. Но все мѣняется съ той минуты, когда соединятся губы... Вотъ такъ! Я протягиваю руки, чтобы полюбоваться на тебя издали, какъ будто ты уже не моя... Потомъ я снова приближаюсь, пока твои поцѣлуи не коснутся меня, и тогда я испытываю только одно безконечное блаженство... Этотъ сверхъестественный свѣтъ какъ бы созданъ для насъ... Цѣдуетъ ее еще. Ахъ, что ты дѣлаешь? Берегись! Мы стоимъ на хребтѣ утеса, нависшаго надъ водой, которая насъ освѣщаетъ... Не отступай назадъ... Пора! Не оборачивайся слишкомъ быстро... я былъ ослѣпленъ.

Алладина. Оборачивается и смотритъ на голубую воду, которая ихъ освѣщаетъ.. О!

Паломидъ. Точно само небо притекло къ намъ сюда.

Алладина. Она наполнена тихими, неподвижными цвѣтами.

Паломидъ. Она наполнена неподвижными сказочными цвѣтами... Ты видишь, какъ расцвѣтаетъ въ тѣни другихъ тотъ большой цвѣтокъ? Кажется, будто онъ живетъ какой-то разбѣренной, ритмической жизнью. А вода... да развѣ это вода? Миѣ она кажется чище, прекраснѣй и синѣй всей остальной воды на землѣ.

Алладина. Я уже не смѣю на нее смотрѣть!

Паломидъ. Посмотри, какъ все освѣщается вокругъ насъ... Свѣтъ уже не хочетъ раздумывать дольше и мы цѣлуемъ другъ друга въ преддверіи неба... Ты видишь, какъ камни и своды, опьяненные свѣтомъ, шлютъ намъ свои улыбки... А мириады, мириады пламенныхъ голубыхъ розъ, которая ползутъ по стѣнамъ?

Алладина. Ахъ! я слышу...

Паломидъ. Что?

Алладина. Какой-то стукъ въ утесахъ...

Паломидъ. Нѣтъ, нѣтъ, это поютъ на своихъ петляхъ золотыя двери новаго рая, который открылся въ нашихъ душахъ...

Алладина. Слушай... опять... опять...

Паломидъ измѣнившимся голосомъ. Да... это тамъ въ глубинѣ голубыхъ сводовъ...

Алладина. Они идутъ, чтобы насъ...

Паломидъ. Я слышу стукъ желѣза о камни.. Они заму- ровали дверь или не могутъ ее открыть... вотъ желѣзо скреже- щеть о камни... Душа подсказала ему, что мы счастливы...

Молчанье, потомъ на одномъ концѣ свода обрывается и падаетъ камень, лучъ дневного свѣта пронизываетъ подземелье.

Алладина. О!

Паломидъ. Это уже другой свѣтъ...

Неподвижные, полные тревоги слѣ- дятъ они за тѣмъ, какъ камни мед- ленно падаютъ одинъ за другимъ, а свѣтъ врывается ослѣпительными вол- нами и открываетъ имъ всю непри- глядность грустнаго подземелья, казав- шагося полнымъ чудесъ. Сказочное озеро становится тусклымъ и мрач- нымъ, камни теряютъ свой блескъ, а пламенные розы оказываются грязью и разложившимися остатками. Нако- нецъ обрушивается цѣлый край утеса, ослѣпительное солнце освѣщаетъ пе-

меру. Снаружи слышны крики и пѣсни. Алладина и Паломидъ отступаютъ.

Паломидъ. Гдѣ мы?

Алладина, печально обнимая его. Я по прежнему люблю тебя, Паломидъ!

Паломидъ. И я люблю тебя, моя Алладина...

Алладина. Они идутъ сюда...

Паломидъ оглядывается въ то время, какъ они еще отступаютъ. Осторожнѣй!

Алладина. Нѣтъ, нѣтъ, не надо больше осторожности!

Паломидъ, смотря на нее. Алладина!

Алладина. Да.

Они отступаютъ еще передъ вторженьемъ свѣта или опасности, пока наконецъ не срываются и не падаютъ за утесъ, который возвышается надъ потемнѣвшей водой. Молчаніе. Астолэна и сестры Паломиды проникаютъ въ пещеру.

Астолэна. Гдѣ они?

Одна изъ сестеръ. Паломидъ!

Астолэна. Алладина! Алладина!

Другая сестра. Паломидъ! Это мы.

Третья сестра. Не бойся... Мы однѣ.

Астолэна. Идите, идите же къ намъ, мы пришли васъ освободить!

Четвертая сестра. Абламоръ скрылся!

Пятая сестра. Его уже нѣтъ во дворцѣ.

Шестая сестра. Они не отвѣчаютъ.

Астолэна. Я слышу, какъ волнуется вода... Сюда...сюда...

Онѣ бѣгутъ къ утесу, возвышающемуся надъ подземной водой.

Одна изъ сестеръ. Они тамъ.

Другая сестра. Да, да, въ самой глубинѣ этой черной воды...

Третья сестра. Они умерли...

Четвертая сестра. Нѣтъ, нѣтъ, они живы, они живы, смотрите...

Другая сестра. На помощь! на помощь! Зовите...

Астоленъ. Они не дѣлаютъ никакихъ усилій, чтобы спастись...

ПЯТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

КОРИДОРЪ.

Онъ такъ безконечно длиненъ, что послѣдніе его своды теряются въ какомъ-то туманѣ. Сестры Паломида сидятъ около одной изъ безчисленныхъ закрытыхъ дверей, выходящихъ въ коридоръ, точно оберегая ее. Немного дальше Астоленъ и врачъ разговариваютъ передъ другою закрытою дверью.

Астоленъ вралу. Никакія событія не нарушали покоя этого дворца. Казалось, здѣсь все заснуло со дня смерти моихъ сестеръ... Но преслѣдуемый непонятной тревогой, бѣдный мой отецъ раздражался безъ всякаго повода этимъ покоемъ, который мнѣ кажется однако самой безопасной формой счастья... Его разсудокъ началъ уже мутиться, онъ поднимался на вершину башни и робко протягивалъ свои руки къ лѣсамъ и морю. При этомъ онъ боязливо улыбался, какъ бы для того, чтобы обезоружить мою недовѣрчивую улыбку, и говорилъ мнѣ, что призываетъ событія, давно уже прячущіяся за горизонтомъ. И вотъ

они явились... явились раньше и грознѣй, чѣмъ онъ воображалъ... Нѣсколькихъ дней было достаточно для того, чтобы они воцарились здѣсь... Онъ самъ былъ ихъ первой жертвой... Онъ убѣжалъ въ поля, плача и распѣвая пѣсни, въ тотъ самый часъ, когда приказалъ заключить въ подземелье маленькую Амладину и несчастнаго Паломида. Съ тѣхъ поръ его не видѣли... Я велѣла искать его всюду, до самаго моря... но не нашли! Я думала спасти по крайней мѣрѣ тѣхъ, кого онъ заставилъ не сознавая, столько выстрадать... такъ какъ всегда онъ былъ лучшимъ изъ людей и нѣжнѣйшимъ отцомъ... Но и тамъ, кажется, я опоздала... Я не знаю, что произошло... Они еще до сихъ поръ не говорили, вѣроятно они подумали, услыша стукъ желѣза и увидавъ внезапно солнечный свѣтъ, что отецъ раскаивается въ той отсрочкѣ, которую онъ далъ имъ и теперь посылаетъ ихъ убить... А можетъ быть, просто они поскользнулись и упали по неосторожности въ озеро, но вода неглубока въ этомъ мѣстѣ, намъ удалось безъ труда спасти ихъ... Довершить остальное можете только вы.

Сестры Паломида приближаются.

Врачъ. Они оба страдаютъ одной и той же болѣзью... Она мнѣ незнакома... Но надежды очень мало! Они простудились въ этой холодной, подземной водѣ. Я вернусь сегодня вечеромъ... а пока имъ необходима тишина... Уровень жизни страшно низокъ въ ихъ сердцахъ! Не входите къ нимъ въ комнату и не говорите съ ними.. Каждое лишнее слово можетъ причинить смерть въ подобномъ состояннн... Надо, чтобы имъ удалось забыть другъ друга...

Уходить.

Одна изъ сестеръ. Я чувствую, что онъ умреть.
Другая сестра. Почему вашъ отецъ такъ безпричинно разсердился на нашего бѣднаго брата?

Третья сестра. Миѣ кажется, что вашъ отецъ любилъ Алладину.

Астолэна. Не говорите такъ, онъ просто думалъ, что я страдала... Онъ думалъ сдѣлать добро и причинилъ зло, не сознавая того. Это такъ часто случается... А можетъ быть, это была моя ошибка... Сегодня я припоминаю... какъ-то ночью я спала... и плакала... У насъ такъ мало воли и бодрости во снѣ... когда я проснулась—онъ стоялъ возлѣ моей кровати и смотрѣлъ на меня... — Онъ могъ ошибиться!

Четвертая сестра, подбѣгая. Я слышу шорохъ въ комнатѣ Алладины...

Астолэна. Идите къ двери... слушайте, можетъ быть, это встала сидѣлка.

Пятая сестра, слушая у двери. Нѣтъ, нѣтъ, я слышу, какъ ходитъ сидѣлка... Это другой шумъ.

Шестая сестра, тоже подбѣгая. Миѣ кажется, что Паломидъ тоже пошевелился, я слышала слабый шопотъ голоса, который ищетъ самъ себя...

Голосъ Алладины, донесшійся очень слабо изъ ея комнаты. Паломидъ!

Одна изъ сестеръ. Она его зоветъ!

Астолэна. Тише! Идите къ двери, чтобы Паломидъ не могъ услышать.

Голосъ Алладины. Паломидъ!

Астолэна. Боже мой! Боже мой! Заглушите этотъ голосъ. Паломидъ умреть, если услышитъ его.

Голосъ Паломида тоже очень слабо, изъ другой комнаты. Алладина!

Одна изъ сестеръ. Онъ отвѣчаетъ!

Астоленна. Пусть три изъ васъ останутся здѣсь. А мы пойдемъ къ другой двери... Идите, идите скорѣй... Мы окружимъ ихъ... Мы постараемся защитить ихъ... Ложитесь на полъ около двери, можетъ быть, тогда они не услышатъ.

Одна изъ сестеръ. Я войду къ Алладинѣ.

Вторая сестра. Да, да, запретите ей кричать.

Третья сестра. И такъ ужъ она причина всѣхъ несчастій.

Астоленна. Не ходите, или я войду къ Паломиду... У нея такое же право на жизнь... И вся ея вина въ томъ, что она жила!

Голосъ Алладины. Это ты, Паломидъ?

Голосъ Паломида. Гдѣ ты, Алладина?

Голосъ Алладины. Ты ли это стонешь вдали отъ меня?

Голосъ Паломида. Ты ли это, невидимая мнѣ, зовешь меня:

Голосъ Алладины. Мнѣ кажется, что твой голосъ утратилъ всякую надежду.

Голосъ Паломида. А мнѣ кажется, что твой голосъ переступилъ порогъ смерти.

Голосъ Алладины. Твой голосъ едва проникаетъ въ мою комнату.

Голосъ Паломида. И я не слышу твоего голоса, какъ прежде.

Голосъ Алладины. Я сжалилась надъ тобой!

Голосъ Паломиды. Насъ разлучили, но я все-таки люблю тебя...

Голосъ Алладины. Я сжалилась надъ тобой. Ты все еще страдаешь!

Голосъ Паломиды. Нѣтъ я не страдаю, но я хотѣлъ бы тебя видѣть...

Голосъ Алладины. Мы больше не увидимся, двери закрыты.

Голосъ Паломиды. Мнѣ кажется будто твой голосъ говоритъ, что ты уже меня не любишь.

Голосъ Алладины. Нѣтъ, нѣтъ, я люблю... Но все теперь стало печально.

Голосъ Паломиды. Куда ты отвернулась?.. Я тебя едва понимаю.

Голосъ Алладины. Мнѣ кажется, будто насъ раздѣляютъ сотни миль...

Голосъ Паломиды. Я пробую приподняться... Но душа моя слишкомъ тяжела...

Голосъ Алладины. Я также хочу идти къ тебѣ. но голова моя не держится...

Голосъ Паломиды. Мнѣ кажется, что, говоря со мной, ты невольно плачешь?

Голосъ Алладины. Нѣтъ, я долго плакала, теперь это уже не слезы...

Голосъ Паломиды. Ты думаешь о чемъ-то и не хочешь мнѣ этого сказать.

Голосъ Алладины. Это не были драгоценные камни!

Голосъ Паломиды. И цвѣты не существовали...

Одна изъ сестеръ. Они бредятъ!

Астолэна. Нѣтъ, нѣтъ, они знаютъ, о чемъ говорятъ.

Голосъ Алладины. Свѣтъ не сжалился надъ нами.

Голосъ Паломида. Алладина, куда ты уходишь? Мнѣ кажется, что ты удаляешься.

Голосъ Алладины. Я больше не жалѣю о солнечныхъ лучахъ!

Голосъ Паломида. Да, да, мы увидимъ вновь нѣжную зелень...

Голосъ Алладины. Я потеряла желанье жить!

Молчанье, потому все слабѣй
слабѣй:

Голосъ Паломида. Алладина!

Голосъ Алладины. Паломидъ!

Голосъ Паломида. Алла ..дина...

Молчанье. Астолэна и сестры Паломида прислушиваются съ гнетущей тоской. Потомъ сидѣлка открываетъ дверь изъ комнаты Паломида, показывается на порогѣ, дѣлаетъ знакъ и всѣ входятъ изъ комнаты, которая вновь закрывается. Опять молчанье. Немного спустя открывается дверь изъ комнаты Алладины, сидѣлка также выходитъ, смотритъ въ коридоръ и, не найдя никого, уходитъ обратно, оставивъ дверь открытой настежь.

К О Н Е Ц Ъ .